

Евгений

вспомнить
самое главное

11 минут
радости

Евгения
Батурина

Светлое вчера

Евгения Батурина
Еще 11 минут радости

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Батурина Е. А.

Еще 11 минут радости / Е. А. Батурина — «Эксмо»,
2026 — (Светлое вчера)

ISBN 978-5-04-254210-7

А что, если счастье – это не одно большое событие, а множество маленьких минут, из которых постепенно складывается целая жизнь? Ефросинья Василева продолжает вспоминать самые важные мгновения своей жизни. Москва нулевых и десятых. Глянцевые журналы, дедлайны, первые мобильники, соцсети, поездки, дружба и любовь... «Еще 11 минут радости» – продолжение истории Фроси о любви, дружбе, семье, взрослении и удивительной способности человека снова и снова находить повод для счастья.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-254210-7

© Батурина Е. А., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Радость четырнадцатая	6
Радость пятнадцатая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Евгения Батурина

Еще 11 минут радости

Серия «Светлое вчера»

© Е. Батурина, текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Радость четырнадцатая

Маленькая девочка

Такой старой, как в двадцать с небольшим, я не чувствовала себя никогда.

Все признаки пожилого человека были налицо. Я стала ворчливой, забывчивой, мелочной. Всё новое теперь вызывало у меня не интерес, а опасения или сразу протест. Я часто начинала предложения с фразы «а вот раньше...». Медленно двигалась. Ценила тишину. Любила глупые телешоу и однажды даже поучаствовала в СМС-голосовании за какого-то поющего мальчика. Притом что молодёжь меня в целом раздражала... Я покупала продукты впрок и забывала, куда их положила. Знала, что такое «вступило в спину» и «ноют колени». Считала себя мудрой. И очень мало спала.

Старики не спят, потому что им «осталось-то всего ничего» и «жалко тратить время на сон». Я не спала из-за волчка.

Нет, не того, который придёт и ухватит за бочок, – это сказки для детей. Мой волчок был юлой. Он крутился. И ни в коем случае не должен был упасть.

Становление меня как бабы Фроси с волчком началось в октябре 2001 года.

– Надень кольцо, – предостерегла Алейник у кабинета врача. – И скажи, что замужем.

Гинекологи 202-й поликлиники МГУ не жаловали студенток, вступающих в интимную связь до брака. Это я знала ещё по обязательным осмотрам. Приходишь девственницей – глядят ласково, отпускают с миром. Отвечаешь «да» на вопрос о пресловутой половой жизни – достают (видимо, из морозилки) угрожающе клацающие инструменты и пытаются то ими, то словом. Мне, помнится, на втором курсе сочинили несуществующий диагноз, чисто в воспитательных целях. Голубушкину вообще называли шалашовкой, она, бедная, потом до заикания в ДАСе рыдала...

Так что да. Совет «скажи, что замужем» дельный. Я переодеваю тоненькое колечко с фианитом, подаренное папой на 18 лет, со среднего пальца правой руки на безымянный, поворачиваю камнем вниз, чтоб было больше похоже на обручальное, и шагаю в пыточную.

– Девушка за-амужем! – улыбается вмиг подобревший врач с бородавкой на носу. – Галь, проводи её на креслице. Сейчас поищем ребёночка!

Доктор с бородавкой и медсестра Галя в неправильно застёгнутом халате очень милы со мной. Зачем-то спрашивают, как мы с мужем предохраняемся. Хочется пошутить: «Безуспешно». Но я держу лицо серьёзным и стараюсь, чтобы ноги на рогатках дрожали поменьше. Играю роль счастливо замужней женщины, у которой только что «нашли» ребёночка.

– Возраст? Сколько полных лет? – интересуется Галя.

– Двадцать. Двадцать один через две недели, – поправляюсь я.

– Норма-ально! – реагирует врач. – Слезай. Чего тянуть-то, правда? Оп! В молодости надо рожать, а не ждать до тридцатника и плакать потом.

Плакать тянет уже сейчас, но не хочется портить доктору настроение. Я думаю о том, что всего месяц назад собиралась в эту же поликлинику за справкой для бассейна. Хороший был день.

– Чего хмурая? Аль не рада? – подначивает врач.

– Да ничего. Думаю, успею ли диплом защитить...

– Не, Галь, диплом её волнует, а! – доктор отечески трясет головой и трёт пальцем бородавку. – Что там у тебя, влияние Пушкина на Кукушкина? Всё, отдипломилась. Люби мужа, нянчи ребёнка, сиди и не рыпайся.

Но я поначалу всё-таки рыпалась.

Например, после посещения гинеколога ещё трижды покупала тесты: а вдруг ошибка. До поликлиники, само собой, тоже покупала. И Алейник привезла мне целую пачку, перевязанную махровой резинкой, – разных фирм, чтоб наверняка. Мы разглядывали все эти тесты, как стереограммы, хотя две полоски – не такой уж сложный узор.

– Ты ж правда так серьёзно к контрацепции относишься! – сетовала Таська. – Говорила, с двух сторон предохранялись...

– С двух, – подтвердила я и отправила тест с мусорное ведро.

– Ну как так-то?!

– Видимо, минус на минус будет плюс.

– Во Бестужев даёт... Математик хренов. Точно Бестужев же? – Алейник повторяла этот вопрос уже в пятый раз, с надеждой.

– Либо он, либо непорочное зачатие.

– А Митька?

– Во Владивостоке. Оттуда нельзя делать детей.

– Да с двойной контрацепцией вроде тоже, а поди ж ты.

Застряли мы, в общем, в стадии отрицания.

– Будешь с ним говорить? – спросила Таська пару дней (и тестов) спустя.

– С кем именно?

– Да вообще-то хорошо бы с обоими, – робко произнесла Алейник и тем вызвала короткую, но бурную стадию гнева.

С Бестужевым я поговорила на стадии торга.

Опять, как и в случае с расставанием (боже, ведь и оно случилось лишь месяц назад!), подготовилась, отрепетировала. Хотела донести такую мысль: он мне ничего не должен, ребёнок этот – мой, я разберусь. Как разберусь, понятия, конечно, не имела. Просто казалась себе такой взрослой – но ещё не старой – и правильной. Не для того мужчине сообщаю, чтобы он принудительно на мне женился, а для того, чтобы быть честной. Он же отец и имеет право знать. Немножко надеялась, что мне эта честность... зачтётся, что ли. Говорю же, стадия торга.

Я собиралась навестить Бестужева вечером в ДАСе, но внепланово обнаружила его днём на факультете. Он стоял в буфете за столиком, пил кофе и ел песочное кольцо с арахисом. Из пластикового стаканчика торчала пластиковая мешалка.

– Привет, – сказала я. – А ты не на работе?

Бестужев наклонился ко мне, не выпуская из рук стакана с мешалкой, клюнул в щёку:

– Я родственника своего сдаю.

– Опять?!

– Ну, я опять пришёл, а она опять нет.

Бестужев который раз пытался пересдать экзамен по русской литературе за второй курс, чтобы повысить свои шансы на красный диплом. По иронии, тогда он получил трояк за то, что плохо знал творчество писателя Бестужева-Марлинского, а также назвал его Алексеем вместо Александра. Преподавательницу это отчего-то оскорбило, и теперь она назначала Бестужеву пересдачи, на которые не являлась.

– А у тебя какие новости? – спросил он устало, последнюю секунду думая, что однофамилец Марлинский – его главная проблема.

Ну я и выдала свои новости. Без подготовки и совсем не так, как планировала. Что-то типа: «А у меня летом будет ещё один твой родственник. Ребёнок».

Бестужев оглянулся – не слышал ли кто. Аккуратно поставил стакан на столик, передумал, отхлебнул кофе, поставил обратно. Взял кольцо с арахисом в одну руку, другой придерживал меня за локоть и стал подталкивать в сторону дверей.

Мы вышли на журфаковское крыльцо. Бестужев похлопал по карманам – поискал сигареты. Махнул кому-то призывно, прикурил у знакомого. Кольцо с арахисом так и держал, чуть надкусанное с одной стороны.

– Лёш, извини, что я так... Хотела в ДАС приехать, поговорить нормально.

– «Извини» – в смысле это всё-таки не мой ребёнок?

– Да нет, твой. Помнишь, прощались в ДАСе? Просто...

– Ну, это самое главное, – прервал он меня. – Так. Надо получить права.

– Какие права? Лёш, я хотела сказать, что ты, конечно, можешь принимать участие в воспитании, но...

– погоди, тебе вообще можно стоять? – он снова перебил.

– Мне можно стоять, да. Если лягу, привлеку ненужное внимание общественности. Лёш, послушай...

– Я курю в твою сторону, давай поменяемся.

– А-а... ладно, давай. – Несколько неловких движений. – В общем, ты можешь принимать участие в воспитании, но ничем мне не обя...

– Мать, конечно, с ума сойдёт. Но мы скажем, что скоро свадьба.

– Какая свадьба, Лёш? – никогда я столько не называла Бестужева по имени.

– Наша свадьба, Фроськин. – Он показательно выпустил дым в противоположную от меня сторону. – Вот тебе кольцо. Пока такое, потом купим настоящее.

Он протянул мне надкушенное кольцо с арахисом. Попытался просунуть в дырочку мой безымянный палец, потом мизинец – не вышло, бракованное испекли.

Наверное, я должна была тогда думать о том, что однажды стану рассказывать эту историю нашему ребёнку как романтическую: «Папа подарил маме кольцо с арахисом на помолвку. Вот прямо там, у дверей факультета, где мы оба учились. А потом появился ты». Или появилась...

Но я думала совсем о другом, увы. Начиналась стадия депрессии.

С Митей за меня в итоге поговорила Алейник.

Она единственная была в курсе ситуации, и то не полностью. Есть вещи, которые никому не расскажешь. Например, в глубине, очень тёмной глубине души я надеялась, что Бестужев отреагирует как гад, сбежит и не захочет иметь отношения к ребёнку. Тогда у меня было бы полное право стать матерью-одиночкой, а у нас с Митей появился бы шанс... не знаю на что, но появился бы. А теперь, когда Бестужев с разбегу собрался жениться, покупать кольцо без орехов и получать права (автомобильные – он считал, что ребёнка надо возить на машине), этого призрачного шанса я лишалась. И думала о том, как мы с Митей, опять же, всего месяц назад стояли на крыльце журфака и переживали дождь, а впереди была целая жизнь. Эти мысли разрушали: ведь они означали, что человек я так себе. Ни порядочного гражданина и отца Бестужева не достойна, ни дезинформированного дальневосточного бойфренда Мити. Они оба вели себя нормально – так, как требовали обстоятельства, в которые я их посвятила. Один спрашивал, есть ли у меня токсикоз и на каком УЗИ скажут пол. Другой звонил, писал сдержанные и тем не менее полные нежности СМС, собирался закончить командировку пораньше, чтобы приехать к моему дню рождения. А я чувствовала себя рядовым сотрудником компании, которая оказалась финансовой пирамидой. Понимала: вот-вот явятся обманутые вкладчики и спросят, где деньги...

В какой-то момент я перестала отвечать Мите на звонки и СМС. До встречи с Бестужевым на журфаке отвечала, но не рассказывала о беременности. А потом всё. Я такая – впадаю в ступор, не могу говорить, не умею объяснять.

Поэтому однажды утром Алейник приехала ко мне в Одинцово.

– Ты меня убьёшь, – без надежды на обратное объявила она, и вид у неё был вороватый.

– М? – Я не проявила желания кого-либо убивать или вообще как-либо действовать. Я дверь-то еле открыла, с трудом с кровати поднялась и, пока добралась до прихожей, устала.

– Мне вчера Митька позвонил. Взял мой номер у Дагирова, что ли... Спросил, всё ли у тебя в порядке. Волновался, что ты молчишь.

– А ты что? – я откашлялась, хотя простуженной не была.

– Сначала ничего. А потом подумала, что лучше я объясню, чем ты. Не хотела никак лезть в ваши отношения, просто...

Я её не утешала. Сил не было.

– Фрось, – она заглянула мне в глаза. – Ты меня слушаешь?

– Да. Ты не хотела лезть в наши отношения.

– Правильно. Но в данном случае – ты не берёшь трубки и явно не в состоянии всё это... произнести. А он правда беспокоился. Тем более издалека всё всегда страшней. Ну, я обрисовала вкратце. Сказала, что это незапланированная акция. Что ты не виновата. И он не виноват. Это жизнь, и так вот в ней бывает. И что ты ему напишешь, когда сможешь. А пока чтобы дал тебе время...

– Правильно.

– Угу. Он всё правильно понял. Офигел, конечно, но, мне кажется, понял.

Я подтянула шерстяные носки – всё время мёрзла, даже с обогревателем.

– Как он? – спросила со второй попытки, основательно похрипев.

– Господи. – Таська сложила руки, словно в молитве, и вдруг заплакала.

– Ты чего? – У меня даже голос прорезался от неожиданности.

– Да просто... Вы такие хорошие оба! Ты говоришь «как он?» А я без понятия! Он о тебе только и спрашивал... Напишешь ему?

Я написала. Долго сочиняла то послание. Хотела сделать его всеобъемлющим и сильнодействующим (что немного затрудняла необходимость писать транслитом). Объяснить и объяснить. Оправдать себя и Бестужева заодно. Избавить Митю от боли и возможного чувства вины. Выразить всё, что испытывала к нему. Попросить прощения. Обнять напоследок.

Вроде бы получилось. Три СМС отправила латиницей, в одно ничего не влезло. Закончила я своё письмо словами: Pozhaluysta, ne otvechai.

Митя послушался.

Последовавшая за этим стадия принятия понравилась мне меньше всего.

Особенно тем, как мои новости воспринимали другие люди.

Желая быть честной не только с Бестужевым, но и со всем миром, я рассказала о беременности на работе. Пришла к начальницам, Ахматовой и Цветаевой, поделилась своими планами: трудиться собираюсь до последнего, готова ехать в роддом прямо из редакции интерьерного журнала, вернусь как можно скорее, на время отсутствия подыщу замену...

Мой испытательный срок закончился тут же, с треском. В качестве выходного пособия Анна с Марией выдали разочарованную тираду: «Как же вы нас подвели!» – и двери жёлтого особнячка на Пятницкой улице захлопнулись за мной навсегда.

Чтобы подобного не произошло с одинцовской квартирой, я решила пока скрыть своё положение от домохозяина Волошина. Но луном была неопытным, поэтому оставила на кухне витамины для беременных. Прямо посреди стола, как фирменное блюдо. Волошин приехал за деньгами, сел за стол их пересчитывать (ему из-за комплекции тяжело было подолгу стоять), прочёл надпись на коробке с витаминами и тихо, зло проговорил: «Да что ж вы все одинаковые-то. Врут да врут. Снимет девка, а живёт с хахалем!» Я открыла рот, чтобы оправдаться – жила-то честно одна! – но Волошин уже вынес вердикт: «1 декабря чтоб вас тут обоих не было». Поэты жестоки и подозрительны...

Впрочем, меня все в чём-то подозревали. Маргарита Степановна Бестужева, конечно же, решила, что я забеременела нарочно, дабы захомутать её сына. В Серпухове тем вечером было неуютно. Мы с Бестужевым сидели перед его матерью, как два юных поджигателя перед пожарным.

– Может быть, вам помочь? – спросила я, когда на кухне что-то агрессивно зашипело.

– Ты уже *помогла*, – с ледяной лаской выдала будущая свекровь, кивнув на мой живот. – Сиди теперь.

В этот момент мне отчего-то показалось, что Маргарита ситуацией втайне довольна. Она была ей... понятна. Куда понятнее, чем вся наша с Бестужевым история до сих пор. Мы не женились, не съезжались, работали в каком-то невнятном *Приложении* (что это вообще такое? ненастоящая газета?), читали странные книжки, вели странные разговоры. А тут – оп, всё встало на свои места: Фрося залетела, Алёша благородно женится, будет ребёнок, внук. Слава богу! Олег Николаевич Бестужев наши известия воспринял как повод отпраздновать – и сразу же выставил на стол две стопки. Так что мы с Маргаритой Степановной поздно вечером тащили на плечах по пьяному мужику и раскладывали их по кроватям. Тоже хорошая русская традиция...

Мои собственные родители повели себя неожиданно. Каждый из них будто бы отреагировал не на всю ситуацию в целом, а на узкий её аспект. Может, оба так боролись со стрессом и страхом перемен.

Маму беспокоило, растолстею ли я во время беременности и после родов. Она только об этом, кажется, и говорила.

– У меня была осиная талия даже на девятом месяце! Со мной постоянно парни на улице знакомились, если сзади шли, клянусь! О-си-на-я!

– Ну, от осинки родятся ефросинки, – шутила я.

А маму не отпусало:

– Кольца купили? Рано. Ну, теперь следи, чтоб туда палец влез в загсе.

– Третий месяц, а уже щёки... Дочь, не надо буквально воспринимать фразу «есть за двоих»!

– Самое страшное – попины уши. От них потом не избавиться!.. Особенно если ты в свою бабушку Нину пошла.

Уши (не попины, а просто мои) очень хотелось заткнуть. Мама взвешивала меня взглядом каждый раз, как встречала, и следила за набором килограммов бдительнее, чем самый пристрастный гинеколог в женской консультации.

Папа же тем временем был занят другим – ревновал к Бестужеву.

До сих пор к моей личной жизни он относился... никак. Почти ничего не знал и знать не хотел. Когда мы виделись, спрашивал о работе, об учёбе, о Москве, о новостях мировой политики (считал, что я, как журналист, должна быть в курсе), но не о парнях. А я и рада стараться – в смысле не стараться и не делиться лишней информацией.

Но перед свадьбой Бестужев решил официально попросить моей руки «у бати». Предполагалось, что это чисто символический жест – не серьезнее, чем выкуп невесты, например. Мы явились в отцовскую квартиру на Революции. Бестужев привёз коньяк. Зои с Ангелиной не было, они уехали к Зоиной матери, та сильно болела. Папа недобро оглядел пузатую бутылку и пошёл ставить чайник. С Бестужевым держался как король с блудным сыном, промотавшим три замка и четыре бриллиантовых короны. Цедил слова. Насмешничал. Пытался уколоть. Показательно не пил ничего, кроме чая, и даже не курил – терпел. Бестужев, красный то ли от злости, то ли от смущения, то ли от полбутылки коньяка, уничтоженной им в одиночку, ходил на балкон один и за сигаретами был вынужден бежать в палатку, хотя у папы, я знала, дома всегда припасена пачка-другая. Пока он бегал, я гневно обратилась к распоясавшемуся отцу:

– Ты что творишь? Что тебе Лёша такого сделал?

- Ну... например, сделал моей дочери ребёнка.
- И, заметь, просит у тебя её руки. Как порядочный человек.
- Вот именно – «как».
- Пап, прекрати. Просто стыдно...
- Это ему должно быть стыдно.
- За что?
- Да за что – за что... не нравится он мне. Не хочу я ему руку твою отдавать, и всё.
- Почему не хочешь?
- А! – он скривился. – Разве такой у тебя должен быть муж? Ты такая... а он! Эх, Дрёпа...

Аргументы были неопровержимые, конечно. Однако, когда Бестужев вернулся с сигаретами, папа внял моим мольбам и перестроился. Налил себе капельку коньяку, а потом и на балконе к курящему кандидату в зятя присоединился. Они там долго разговаривали, позже я спросила Бестужева о чём.

– Батя твой рассказывал, что в советское время нельзя было просто так снять гостиницу в другом городе и командированные должны были тётке на стойке администратора сказать секретный пароль, чтоб их заселили. И на заводе твоего бати был пароль...

– «Жаба съела канарейку»! – улыбнулась я. Ну, раз начал говорить про жабу с канарейкой, значит, потеплел к моему будущему мужу.

Чуть позже папа, правда, чуть всё не испортил. Принял ещё микродозу коньяка и пустился в воспоминания:

– Ох, Лёха-Лёха, как говорится, на сердце суматоха... Между прочим, я к тебе сразу дочь свою приревновал!

– Это многое объясняет, Сан Михалыч, – выдохнул расслабленный спиртным и балконными беседами Бестужев.

– Ага, на первом курсе ещё. Из-за плеера дурацкого, – папа сглотнул, как всегда делал перед тем, как поведать интереснейшую историю. – Я ж ей летом перед отъездом в ваш МГУ купил плеер. Кассетный, жёлтый, дорогой. Она вроде радовалась. Спасибо, пап, то-сё. А потом приезжает на зимние каникулы – у неё уже другой плеер, голубой, с дисками. И жмётся такая – мол, друг подарил. Ну, я сразу и понял, что за друг. Полгода проучилась, и всё, плеер не нужен, папка не нужен. Дрёпа!

Бестужев тряс головой согласно. То ли не помнил, что за плеер, то ли делал вид.

Вообще, если честно, тот вечер я воспринимаю с улыбкой. Такие лихие мы с папой против остального мира, такие отважные. А ещё он меня слушал и считал человеком...

Дальше всё понеслось одно за другим, безостановочно, безнадёжно. Словно я сорвалась с обрыва, поехала на скорости вниз ногами по скользкой глине и тщетно пыталась ухватиться за корешки и камни.

Я хотела максимально скромную свадьбу. Типа мы с Алейник, Дагировым и, чуть не забыла, Бестужевым идём в загс, ставим подписи на документах, а как-нибудь потом зовём пятьсот вторую группу отметить событие чаем с оладьями. Все в джинсах, свитерах и хорошем настроении.

В итоге я получила свадьбищу в Серпухове, белое платье на «обручах» (писк моды), букет с хвостом из завитых лент, который поймала Оленька Нелидова, кучу незнакомых людей и холодный банкетный зал в кафе под названием то ли «Богема», то ли «Бригантина». Мне еле-еле разрешили взять Алейник в свидетельницы («Она же замужем, по традиции нужна незамужняя»), и Таська на полном серьёзе в комнате невесты спрашивала: «Фрось, хочешь, сбегим? У меня твои штаны в пакете!» Я осталась. Маргарита Степановна управляла мероприятием. Олег Николаевич пил. Моя мама царила. Мой папа кормил колбасой Ангелину, которая

в 9 лет села на диету по настоянию лучших подружек. Зоя отсутствовала – то ли за матерью своей ухаживала, то ли просто манкировала. С Дагирова как с кавказца требовали тост. Голубушкина сидела потерянная. Я подошла к ней, пошутила сдуру: «Алейник предлагает сбежать, я готова. Давай, может, вместе?» Она отшатнулась: «Фросечка, а давай лучше ты не будешь *мне* жаловаться, что выходишь замуж и у тебя ребёнок?» Что делал на свадьбе жених, не помню. В загсе, когда его вызвали расписываться, включили мелодию из фильма «Профессионал» – там, где Бельмондо идёт к вертолёту и его расстреливают.

Я стала замечать: Бестужев теперь позволяет себе чуточку больше, чем раньше. Когда Волошин ещё не изгнал меня из Одинцова, я думала оставить ту квартиру за собой до Нового года. Сказала об этом Бестужеву: мол, пока необязательно съезжаться, можно подождать... Он оборвал меня: «Фроськин, вот даже не начинай. “Побыть одной”, вся эта лабуда. Деньги лишние? Знаешь, или мы живём нормально, без глупостей, как семья, или не живём никак». И гордый пошёл на кухню. Раньше бы он никогда так не сказал... В наших отношениях я долго занимала лидирующую позицию и поняла это, лишь потеряв её.

Помню, к концу свадьбы, замученная, на одеревеневших ногах, в платье с грязным подолом и пуховике поверх него, стояла у машины и ждала, когда же Бестужев попрощается с гостями и мы поедem спать. А он всё хохотал, обнимался, размахивал руками, не шёл. «Устала?» – спросила появившаяся Маргарита Степановна вроде бы с участием. «Угу», – кивнула я. «Ну, жди супруга, – триумфально произнесла свекровь. – Никуда теперь от него не денешься».

Бестужев почувствовал себя хозяином положения. Моего «положения». Поэтому да, *позволял* себе. Указать, например, что я слишком долго просидела у Алейник. Сообщить, что в выходные мы едем в Серпухов, – не ожидая возражений. При всех за столом обронить, что у него закончились чистые рубашки... Рубашки он стирал и гладил сам. Но почему бы не упомянуть о них и тем более не обсудить последующую покупку стиральной машины *для жены*.

Свадьба состоялась 1 декабря. Месяц мы прожили в ДАСе, в бестужевской двушке, там меня почти всё время тошнило. А с Нового года было решено переехать в Фили, к Арише.

Решала, конечно, опять не я. Мне хотелось снимать жильё, в том же Одинцово, например. Бестужевы посовещались, прикинули, обменялись соображениями в духе «да кто вам сдаст квартиру с младенцем» и поехали к Арише на большой разговор. После чего перевезли меня в Фили, как тумбочку. Ну, хоть из ДАСа забрали, и на том спасибо.

Ариша была двоюродной тёткой Маргариты Степановны. Точнее, вдовой двоюродного дядьки. До переезда мы с ней ни разу не встречались – я посещала квартиру в Филиях только в отсутствие хозяйки: Бестужев, как мы помним, возил меня туда заниматься сексом. Сам же он в последние годы много общался с Аришей, навещал её, и, насколько я понимала, они подружились.

– А почему её не было на свадьбе? – спросила я Бестужева, когда мы входили в подъезд знакомой сталинки на Большой Филёвской.

– Да у нас же камерная свадьба была, – проговорил он на голубом глазу.

– *Камерная?* – Я вспомнила толпу галдящего народа и догадалась, что муж просто повторяет слова своей матери, её дежурную версию.

– Ну, готовились в спешке. Невеста беременная, надо было срочно. И кого можно было не позвать, не позвали, – снова процитировал Бестужев Маргариту Степановну и пропустил меня в клетку лифта.

Странное стратегическое решение моей обычно хваткой свекрови – не пригласить на свадьбу женщину, в доме которой планировали поселить молодожёнов... Отчего же Ариша не попала в обязательный список гостей?

Лифт приехал на седьмой этаж, мы вышли, и справа тут же распахнулась ветхая коричневая дверь с покрашенными той же краской цифрами 71.

– Алёшенька, сынок! – произнёс напевно старческий голос. Я увидела Аришу – и сразу поняла, почему её можно было не звать на свадьбу. Она бы и так разрешила сынку Алёшеньке жить у себя. И что угодно б ему разрешила.

– А это Фрося, – сказал Бестужев, улыбаясь довольно, как человек, которого в этом доме явно любят. – Моя жена.

– Ну проходи, коль жена, – Ариша говорила так, будто рассказывала сказку. – Ножки вытирайте оба. Ручки мойте и супчику идите поешьте.

Ариша была ростом метра полтора, полноватая, коротко стриженная. Напоминала не классическую бабушку из сказки, – несмотря на манеру речи, – а скорее состарившегося мальчишку-отличника. Тяжёлые очки в толстой оправе сходство только усиливали.

Она кормила нас «супчиком», глядела на Бестужева с благоговением, на меня – как будто с опаской: неизвестно ещё, что за жену привёл Алёшенька, может, так себе девку (была, в общем, права).

Потом мы обсудили детали совместного проживания: Ариша остаётся в своей комнате, рядом с кухней, нам с Бестужевым отдают «Алёшенькину», угловую. «Зал» же будет пока общим, а потом, когда «малышик» подрастёт, там поставим кровать и манеж, будет играть... Мне казалась странной идея отдавать самому маленькому человеку самую большую комнату, но я промолчала: ни одно из этих помещений не было моим.

Так мы и зажили. Бестужев ходил на работу. Я писала диплом. Из угловой комнаты старалась выбираться пореже: не то чтобы думала, что Ариша меня недолюбливает, скорее не хотела давать ей для этого лишние поводы. Она вела активную жизнь: подружки, прогулки, поездки. Иногда стучала в мою дверь и требовала, чтобы я пошла и съела супчик/котлетку/кусочек пирожка. Но в целом не докучала – и не слишком интересовалась, как я и что. Вот когда Алёшенька возвращался с работы, тут да: Ариша забрасывала его вопросами, норовила сразу накормить, развлечь и осчастливить. В эту волну обожания временно попадала и я – как часть бестужевского великолепия, будущая мать его «малышика».

Как-то вечером Ариша полчаса рассказывала нам с Бестужевым о том, как в Филёвском парке к ней и её подруге Лиде подошли два нетрезвых кавалера и спросили, можно ли их «снять».

– А мы с Лидусей и не поняли, говорим: «Да нет, спасибо, мы не готовы фотографироваться!»

На следующее утро я сама отправилась гулять в Филёвский парк (вообще, и район наш назывался так же, просто Бестужевы почему-то говорили «Фили»). Была уже довольно объёмной. Самоощущение – «жаба съела канарейку». Молния в сапоге заела. Ариша как раз шла из туалета, помогла с сапогами и заодно спросила, куда я иду.

– Да вот в парк собралась. Подышать, а то глава в дипломе не пишется, – неожиданно многословно объяснила я и, вспомнив вчерашнюю историю с кавалерами, пошутила: – Надеюсь, меня там никто снимать не планирует.

Ариша улынулась и вдруг с жалостью в голосе произнесла:

– Да кому ты нужна! Коробочка.

Чем дальше, тем больше я чувствовала себя не человеком, а коробочкой. И почти совсем перестала «рыпаться» – как когда-то завещал бородавчатый гинеколог.

Последнее, что я вяло пыталась сделать в рамках программы собственного очеловечивания, – это нормально защитить диплом и сдать госы. Научный руководитель договорилась, чтобы экзамены приняли заранее, в мае, а то потом и родить могу – предварительный срок родов ставили 24 июня. Молодая аспирантка, которой я пришла сдавать специальность, подвинула мне стул и доверительно подмигнула:

– Вы же не думаете, что я вас правда буду спрашивать?

А я думала. Готовилась, ночь не спала, учила что-то там забытое про Гутенберга и бесчисленные «цайтунги»...

В середине июня в Филях приехала моя мама. Привезла две гантели на будущее, отобрала у меня пакетик с арахисом в кокосовом соке (главную гастрономическую радость), повела гулять в парк.

– Помнишь Наташку? – спросила она, когда мы брели по центральной аллее, отмахиваясь от юных и ещё не слишком расторопных комаров.

– Какую Наташку, двоюродную сестру? Тёти-Надину дочь?

– Ну да. Она тоже беременная замуж выходила. А потом случилось несчастье, – мама понизила голос, – *замершая*. И с тех пор никак не получается у них. Надя приезжала, плакала-а-а-а.

– Ужас.

Я вспомнила, как Наташка читала у той бабушки «Отрочество», таскала меня за собой по Первомайскому, защищая от злобных Сиволобов, и писала письма из посёлка Тьма, куда откомандировали её мужа Павлика. Писала-писала и перестала...

– Да уж, – мама вздохнула, глядя на мои опухшие, наползающие на тапочки ступни. – Вот как бывает. Сначала переживали, что так рано рожает, а теперь переживают, что так долго не рожает...

– Сколько ей лет, – возмутилась я. – Двадцать три?!

– Двадцать четыре. А уже в дефективные записали. – Мама затоптала чью-то недокурённую сигарету и отправила её в урну. – Свекровь там смуту наводит, мол, Пашенька её женился на бесплодной.

Я вспомнила Наташкину свекровь – даму с высокой литой причёской и железными принципами в отношении солонок.

– Надя даже, прикинь, спрашивала, можно ли Наташке к тебе приехать и за животик твой подержаться на удачу.

На свадьбе ни тёти Нади, ни той бабушки, ни Наташки не было: они не вошли в привилегированный список.

– Мам, давай сами к ним съездим, – предложила я. – Пусть держатся за что хотят.

– Дочь, ну ты даёшь. – Мама встала между мной и безбашенным скейтером, вырвавшимся из-за угла. – Куда ты поедешь такая? В маршрутке хочешь родить?

– Да время есть ещё, – «рыпалась» я. – Я думаю...

– *Думать* уже надо только о ней. – Мама приложила на секунду руку к моему животу под натянутым донельзя комбинезоном. – Раствориться в ней. Про всё остальное – забыть.

Да, мы с Бестужевым ждали дочь.

Она родилась 1 июля 2002 года («ровно семимесячная» – потешалась свекровь, считавшая с даты свадьбы). В июне я даже успела защитить и получить диплом, а также минут десять попридуриться в ресторане «Прага» на общефакультетском выпускном. На одиннадцатой минуте стало жарко, скучно, тяжело, и мы с Бестужевым уехали в Филях...

В роддом мне написала СМС Наташка, тёти-Надина дочь, так и не успевшая потрогать на удачу мой живот: «Фрося поздравляю с девочкой! Как назовёте?». Я, конечно, хотела назвать Катей Румянцевой. Но слабые мои руки не послушались и ответили: «Наташа». «Через И?» – тут же уточнила практичная Наташка. И пояснила: «Я Наталия через И, тогда, наверно, лучше через мягкий знак, чтоб неодинаковые». Так моя дочь Наташа стала Натальей через мягкий знак.

Из роддома мы привезли её в Филях. По квартире ходили люди, много – очередная «камерная» свадьба. Свекровь командовала. Мама кокетничала со свёком. Папа и Бестужев

с двух сторон, неумолимо приближаясь друг к другу, накрывали на стол. Бестужевские братья, старший и младший, тёрли кулаками раздражённые подбородки: их заставили в такую жару надеть рубашки и пиджаки. Ариша сидела скромно на табуретке, как будто не у себя дома. Кто-то, кого я не знаю, воскликнул с задором: «А где сися? Девочка-то проголодалась!»

Я пришла в пустую Аришину комнату, чтобы покормить ребёнка. Только там никто не орал, не витийствовал, не делился насильно историями о родах, не спрашивал, когда за вторым. Я села на кровать, разместила Наташину голову на правом локте, остальную Наташу – на коленях. Попыталась дать грудь.

Голова *болталась*. В роддоме младенцев жёстко пеленали, под голову подкладывали стоймя свёрнутую пелёнку. А при выписке одевали в праздничный костюмчик, предоставленный родителями, и равнодушно отправляли в большой мир.

Боже мой, голова болтается. Лицо очень розовое, на грани красного, а глаза какие-то белёсые. Руки точно красные, пальцы движутся, как водоросли в замедленной съёмке. На пупке зелёнка. На лице, вернёмся к нему, – торжественная скорбь. Волосы мокрые, с залысинами. А голова болтается...

Что я натворила. Что я со всем этим буду делать?!

После аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 году над Тулой какое – то время – по слухам или по-настоящему – висело чернобыльское облако. Поэтому все овощи, фрукты и ягоды, даже румяную, зовущую клубнику (её называли «виктория»), запрещалось есть просто так с грядки, надо было мыть в семи водах, до состояния полублендера.

Я держала на коленях дочь, а казалось – устроилась на АЭС, заступила на смену. Теперь всё. Я отвечаю за этот растущий атомный реактор. Рвануть может в любой момент. Только от меня зависит, произойдёт ли это сразу или подождёт. Надо быть внимательной. Надо следить. Надо учиться. И никогда нельзя спать.

Вот тогда внутри меня завёлся тот самый, невидимый для всех, волчок-юла. Раскрутился, разошёлся. Полоски на его «юбочке» слились в одну, скорость выровнялась. Волчок танцевал, гипнотизировал, передавал мне главную мысль: «Если я упаду, рухнет всё, а виновата будешь ты».

А где-то на фоне, титрами, шли другие знакомые слова:

Ты уже *помогла*.

Как же ты нас подвела.

Все вы, девки, одинаковые.

Люби мужа, нянчи ребёнка.

Или живём как люди, или никак.

Куда ты от него денешься.

Тебе надо раствориться в ней и всё остальное забыть.

Кому ты нужна, коробочка.

Где сися?

Коробочка с волчком внутри – вот теперь я кто. Ничего уже не будет так, как мне хочется. Это больше не моя жизнь, и ждать от неё нечего. Только бы волчок не упал, только бы реактор не рванул, только бы колоссальное ядовитое чувство вины не повисло облаком над всеми, кого я люблю или должна любить...

В комнату вошла на цыпочках мама. С поразительной ловкостью взяла на руки уснувшую Наташу (я от неё такого не ожидала – как когда-то не ожидала, что Бестужев умеет писать) и сказала мне: «Сама-то иди покушай, Дрёпа. Ты же тоже человек... Только не увлекайся».

Мама никогда раньше не говорила «покушай». И Дрёпой меня не называла. Может быть, поэтому я правда встала и пошла.

Закрыла за собой дверь, сделала неуверенный шаг в сторону кухни, потом в сторону «зала», где был накрыт стол и проходило основное празднование. Остановилась. На кухне кто-

то, предположительно Ариша, гремел посудой. Из большой комнаты донеслось: «Ну и за бабушек и дедушек ещё разок выпьем, а как же! Без них бы, как говорится...»

Вдруг жёлтая коридорная лампочка под потолком мигнула, издала прощальное «жжж» и погасла.

Наступила темнота, всё исчезло, даже звуки: шум воды и звяканье тарелок в кухне, звон бокалов и одобрителный гул в комнате, потрескивание разошедшейся двери, за которой осталась мама с Наташей на руках. Я оказалась в тёмном коридоре совсем одна. И мне почудилось на миг, будто это не коридор вовсе, а волшебный портал. И что я сама – не взрослый, почти старый человек, а маленькая девочка. Такая шутка пространственно-временного континуума, случайный сбой настроек, неожиданный дар от вселенной. Легко и просто: Фрося вышла за дверь и попала в детство. Теперь не нужно ни за что отвечать, дежурить у реактора, прислушиваться к волчку, быть виноватой, оправдываться. Растить детей, любить мужей тоже не надо, это занятия для больших. Надо зажмуриться покрепче для верности – чтоб не исчезла спасительная темнота портала, – замереть и отдаться чисто детской радости: ты в безопасности; всё трудное, тягостное, тревожное тебя не касается. Можно просто стоять и быть маленькой.

Пока не найдут.

Радость пятнадцатая

Парк Фили

Почти через год, в июне 2003-го, Алейник уговаривала меня пойти на встречу выпускников.

– Фроська, ну пара часов, а? Первый год после выпуска, все наши будут. Вся... кто мы теперь... Шестьсот вторая группа, вот! Ты ж сто лет никого не видела с журфака. Ну, кроме мужа своего и меня. Голубушкина считает, ты на неё обиделась. Дагиров сам на тебя, кажется, обиделся за то, что к нему в журнал работать не пошла... Мишлен приедет аж из Финляндии. А ты не можешь из Филей?

Почти все доводы подруги я пропускала мимо ушей. Сидела на кухне, привалившись спиной к подоконнику определённым образом – так она меньше болела, – и прислушивалась: не воеет ли сигнализация в комнате с атомным реактором, не проснулась ли моя дочь.

– С Аришей вашей говорила, говорю, – Таська упорно пыталась пробиться сквозь помехи. – Пока ты укладывала. Она согласна посидеть с Наташей. Даже очень согласна! Только утверждает, ты не дашь...

– А потому что Наташа не будет *сидеть*, – отреагировала я на кодовое слово. – Она будет ходить. Точнее, пытаться ходить и расстраиваться, если не получится, и требовать ещё, бесконечно. Туда-сюда, туда-сюда, за ручку и так. Знаешь, как тяжело постоянно в согнутом состоянии находиться? Моя-то спина еле выдерживает, а уж Аришина...

– Ну, прямо пополам сломается Ариша, ага, за два часа!

– Я ещё и кормлю.

– Бутылочки есть.

– Наташа не берёт бутылочку.

– Потому что у неё всегда есть готовая живая бутылочка под боком!

– Нет, потому что ей не нравится форма соски...

Из комнаты высунулась голова Ариши в тяжёлых очках, сползших к носу.

– Не старайся, моя хорошая, – шёпотом обратилась она к Алейник. – Она отцу-то её на ручки еле-еле даёт. А когда даёт, всё равно сидит и *смотрит*. Алёшенька тут пошутил: ты, говорит, так себя ведёшь, как будто я допрашиваю несовершеннолетнюю, а тебе надо присутствовать как законному представителю...

Алейник засмеялась во весь голос, я цыкнула на неё с негодованием и привстала: не плачет ли Наташа, не разбудили ли её эти две своими шуточками...

– Ой, Фроська, какое ж у тебя лицо противное становится, когда ты вот так упрёшься! – сказала подруга беззлобно. – Надменное, напыщенное...

– Ну и на фига тебе это лицо на встрече выпускников? – парировала я.

– Да-да, вот именно такое, – кивнула Алейник и поцеловала меня в щёку.

– Да ну тебя. – Я вытерла поцелуй. – Короче, не пойду. Пусть Бестужев идёт как мой законный представитель.

Но на встречу выпускников мы с Бестужевым всё же отправились оба. Не потому, что Алейник была убедительна, а потому, что в день икс из Серпухова сюрпризом нагрянула свекровь Маргарита Степановна. Она привезла Наташе ворох бесполезных старых ползунков на резинке (знакомые отдали), а мне – ворох новых полезных рекомендаций.

– Ты совсем распустилась! Обабилась, – заявила она с порога. – Синюшная вся, худющая. – О, это вы моей маме скажите! – Не высыпaeшь? Просто спи, когда спит девочка! Надо же стараться... выглядеть. Для мужа. Иначе кому ты такая будешь нужна?

Я никому не нужна. Я коробочка. Я не выгляжу и не сплю, потому что волчок и реактор.

– Маргарита Степановна, мы сегодня с Лёшей хотели бы сходить на встречу выпускников, – сказала я вслух предельно льстивым тоном. – Всего на пару часов. Ариша обещала помочь с Наташей, но... с вами всё же надёжнее.

– Да запросто, – оживилась свекровь. – Я как-никак троих вырастила, в отличие от некоторых-то! – Она, я замечала, вообще любила подчёркивать Аришину бездетность. – Молока только оставь, и гуляйте!

Спустя час я уже подходила к метро «Багратионовская». С Бестужевым мы договорились встретиться прямо у журфака: он ехал с работы. Наташа отпустила меня до обидного спокойно, развлекаясь наперебой двумя бабушками, и даже не ныла. Ныла грудь – но пока помещалась в платье. Платье было поношенным – но платьем, а не пижамными штанами с рассыпающейся на атомы футболкой. Я даже глаза покрасила! Правда, тут же забыла об этом с непривычки и размазала тушь кулаком. Всё равно сегодня я светская леди. И проведу вечер с ровесниками, а не младенцем и двумя свекровями.

У памятника Ломоносову уже стояли толпы выпускников. А я только что ехала в метро с толпой пассажиров и шла от метро с толпой пешеходов. Люди, везде люди. Давно я их не видела... столько. Развернуться, что ли?

– Фросечка! – Справа на меня напрыгнула воздушная нарядная Голубушкина, вся в голубом и розовом. – А я вижу, ты идёшь! А потом думаю, вдруг не ты!

– А это я, – подсказала я.

– Василева! – раздалось слева. – Мать-героиня! Явилась! И если запылилась, то чуть-чуть.

Светка Пронина, с новой короткой стрижкой и ещё бо́льшая брюнетка, чем была.

Я поняла, что очень по девчонкам, оказывается, соскучилась. Настолько, что сейчас зареву. А они подхватили меня под локти с двух сторон, потащили вперёд, стали что-то говорить в оба мои уха, точно ангел и демон.

– Вон вроде наши! – воскликнула Мариванна.

– Да, вижу голову Ермолаева! – подтвердила и Светка.

Так ангел и демон сошлись во мнении, и вскоре мы воссоединились с шестисот второй группой.

Следующие несколько минут я постоянно с кем-то обнималась, и отвечала на вопросы, и задавала свои. Совсем забыла о том, чего боялась по пути на журфак: что на мне дурацкое платье, что все остальные явятся модные-премодные и успешные-преуспешные, что нам не о чем будет говорить, придётся заполнять паузы. Я даже немного надеялась на то, что свекровь позвонит и велит срочно возвращаться к ребёнку. А теперь стала надеяться, что не позвонит и не велит...

Сквозь приветствия и поцелуи я слышала настойчивое «динь-динь-динь». Как будто каждый одноклассник принёс с собой по колокольчику. В очередной раз сменив партнёра для объятий (мне достался Храбрых, отрастивший косу, как у незабвенного Никона), я сумела разобрать, о чём звонит колокол. Выяснилось: наши собирались после памятника пойти праздновать в «Оладийную».

– Твой муж, кстати, уже там, он к памятнику опоздал, – сообщила Алейник, пролезшая ко мне сквозь частокол журфаковцев. – Не волнуйся.

А я не волновалась. Я вообще *не заметила*, что Бестужева среди нас нет...

По узкой Никитской мы пошли от факультета большой компанией, разбившись на пары, будто октябрюта на выгуле. Галдели примерно с тем же воодушевлением. Здесь были почти все: Алейник с Ермолаевым, Голубушкина с Дагировым, Храбрых с Удалых, Светка Пронина

с Мишлен. Я шла с Яной Яцкевич – мой муж, как известно, ждал нас в «Оладийной», а её уже бывший бойфренд Стас обещал подскочить попозже, если получится. Янка по этому поводу хорохорилась и спрашивала, есть ли у меня с собой помада.

А, да. Где-то впереди маячила знакомая и всё ещё красивая спина. Митя Завадский тоже пришёл на встречу выпускников журфака. И продолжать её решил с нами, а не со своими международниками из пятнадцатой группы. Все этому очень обрадовались. В том числе его девушка Лера, которую он привёл с собой.

– Про международников я ничего не знаю, а вот про вас Митя постоянно рассказывает, – отрывисто проговорила она, почему-то глядя прямо на меня. – Рада наконец познакомиться!

Я знала о существовании Леры. Не то чтобы кто-либо мне о ней *постоянно рассказывал*, но упоминали: всё-таки и Дагиров с Митей дружил, и Алейник периодически общалась. Он появлялся в моем инфополе, и Лера с некоторых пор тоже. Они вместе работали в очередной хорошей газете, жили где-то на «Молодёжной». Недалеко от Филей, если подумать. Но я не думала.

Мы с друзьями и Лерой дошли до «Оладийной», и тут оказалось, что никакой «Оладийной» больше нет. На её месте теперь был ресторан, весь какой-то красный, бархатный и пафосный, а сверху, над ним, – бар. К бару снаружи, с улицы, шла крутая железная (и очень ненадёжная на вид) лестница. Пока мы гуськом поднимались по ней, я думала: видимо, фраза «до последнего клиента» здесь имеет прямое значение... Бар оказался ничего – попроще, чем ресторан внизу, и самым красным там было лицо Бестужева, который опоздал к памятнику, но зато успел выпить пива за стойкой. Его все громко приветствовали, он же первым делом сгрёб меня в охапку и (тоже довольно громко) спросил, не болит ли грудь и не протекло ли молоко.

После этого я начала каждые пять минут проверять телефон и почти перестала слушать одноклассников – смотритель реактора вернулся на пост.

Кое-какие речи до меня долетали. Бестужев хвастался Наташей – что она умненькая, говорит «папа» и любит песенки. Дагиров, уже год возглавляющий музыкальный журнал, рассказывал, что скоро едет на фестиваль Гластонбери по аккредитации. Мишлен радушно приглашала всех к ним с Геной в гости – в этом году в Хельсинки, а в следующем, дай бог, в Женеву. Лера зачем-то сообщила, что они с Митей сегодня рано проснулись...

Я чуть не пропустила скандал. Собралась уже уходить, наврав всем, что бабушки требуют меня домой. Но тут прозвучал хорошо поставленный, как принято у радиийщиков, голос Светки Прониной:

– Да кто вы такие, чтобы меня осуждать?!

Все на секунду замолчали, потом хором заговорили девчонки – Голубушкина и Алейник:

– Светочка, да ты не так поняла...

– Пронина, не бузи! Давай-ка поешь тебе закажем?

Тут я заметила, что Светка довольно пьяна. Обычно, выпив, она, наоборот, становилась нехарактерно тихой и норовила уснуть где-нибудь в уголке (так её однажды чуть не забыли в сарае после свадьбы Алейник с Ермолаевым). Но, похоже, спиртное в баре, заменившем «Оладийную», содержало дозу озверина. Или просто место такое – располагающее к дебошам.

Светка привстала из-за стола, вытянула палец и указала им на Алейник:

– Ты самая умная, да?

– Спорный вопрос, – ответила Таська. – Но сейчас мы спорить не бу...

– Не-е, – Светка угрожающе сузила глаза. – Ты правда считаешь себя о-очень умной. И продвинутой в плане отношений. Услышала про моего Пал Егорыча и давай порицать, глаза вылупила свои. Ну да, он старый. Да, иногда противно бывает, чего уж. Пузо, кожа висит, пятна эти... Сорок восемь не двадцать. Но с ним хоть поговорить интересно. И он мне квартиру снимает на «Павелецкой» в хорошем доме, и машину подарить собирается. А ты, Алейник, о

чём со своим мужем разговариваешь? Не, я Петьку люблю, он человек-праздник, но, согласись, больше праздник, чем человек.

Я нашла глазами Ермолаева. Он сидел, чуть приоткрыв рот – удивлённо, обиженно. Моя дочь Наташа так же выглядела, когда вместо яблочного пюре однажды без предупреждения получила рыбное.

– В общем, Тась, – продолжила Светка, пока Алейник молчала, – год деградировать в Немчиновке, ни хрена не делая, а в перспективе пожизненно тащить на себе Ермолаева, как саночки, на которых иногда можно кататься, – это, по-твоему, хорошее применение ума?

– Свет, ну правда, ты что... – вмешалась опрометчиво храбрая Голубушкина, и пронинский палец, конечно, тут же переместился на неё.

– А вот ещё одна осуждающая. Раба любви, ну. История Мариванны, которая любила, но не вышла замуж. Ты правда не понимаешь, Маш, что Дагиров никогда на такой, как ты, не женится? И будешь ждать его, как бабы с войны мужиков не ждали, чтобы что? Чтоб папа не ругался?

С мест одновременно встали Дагиров и я. Но Дима уже получил порцию прониинской правды, так что досталось мне:

– Василева, вот кто умный, так это ты. Ну, я так раньше думала. Но, блин, умный человек делает выбор вовремя (она махнула в сторону то ли Бестужева, то ли Мити). И не залетает так глупо...

– Э! – крикнул не Дагиров, а неожиданно Бестужев.

– Чего, Лёшенька? – Светка направила на него свирепый взгляд. – Фрося отошла от тебя на целых два метра, и все теперь забудут, что она *твоя* жена и кормит грудью *твоего* ребёнка?

Около Светки уже стояли два Дмитрия. Дагиров чесал затылок и разводил руками, будто ваял из невидимой глины. Митя наклонился к Прониной и пытался ей что-то втолковать на ухо. Она слушала, временно прекратила проповедь, только сопела протестующе.

– Мить, – снова заговорила Пронина, уже чуть спокойнее, чем раньше. – Тебя я вообще обожаю, ты добро и человечество, и так мне помог. Но, если будешь и дальше сопли жевать, останешься один...

И Светка указала на, очевидно, ничего не понимающую Леру. Я тоже посмотрела на Леру и подумала вдруг, какая она симпатичная – тонкие черты лица, веснушки, в носу блестит бриллиант, как ещё одна веснушка. Хороший у Мити вкус.

Он тем временем принял из рук возвращающейся от барной стойки Мишлен чашку с кофе, что-то сказал. Мишлен кивнула, перегнулась через стол, взяла сумку, порылась в ней, нашла блистер с таблетками, бросила Мите. Они действовали слаженно, как реанимационная бригада. Митя сел рядом со Светкой, подвинул ей кофе, приобнял за плечи.

Остальные не очень понимали, что им делать, поэтому как-то расселись и попытались возобновить беседы. Вокруг Прониной и Мити образовалась зона отчуждения. Я очень хотела подойти, но не решалась. Да и Бестужев бы, наверное, перехватил меня в прыжке...

Вскоре Светка допила кофе, встала, направилась к двери, у которой уже выросла верная Мишлен с двумя сумками – своей и прониинской.

– Ну, всем пока, – сказала Светка и присела в книксене. – Гордая юная девица улетает далеко-далеко.

– Светик, давай, – нежно произнесла Мишлен. – Поехали поспишь.

– Ох, Леноч, не все проблемы можно решить поспав. Хотя откуда тебе знать про проблемы. – Она усмехнулась и взлохматила Лене чёлку. – Ты моя сладкая девочка... ни-че-го не понимаешь. Ты человеку так-то жизнь сломала, между прочим, и тоже ничего не поняла.

– Светик, машина пришла. – Мишлен легко игнорировала неясные намеки.

– Машина пришла, а *он*, Янка, не придёт! Ты ж больше не можешь сдавать за него экзамены. А Стасик человек деловой. Нету выгоды – нету сделки, – выдала Пронина на прощанье.

Яна Яцкевич вздрогнула, но даже не повернулась. Хотя до этого весь вечер посматривала на дверь, за которой теперь исчезали Светка с Леной...

– На лестнице поаккуратнее, шею не сломай, мля, – запоздало и зло крикнул Бестужев.

На меня он, конечно, тоже потом злился, долго. В баре злился, по дороге к метро, и в вагонах, и на пути от метро к дому. Несколько раз пытался затеять разоблачающую беседу:

– Значит, не казалось мне, да? Про *треугольник*. Про Завадского твоего. Не зря я ему то есть вломил-то в «Оладийной»?

Или:

– Не, ну ты скажи мне правду. Было у вас? С этим *человечищем*.

Наконец в лифте более распространённо:

– Слушай, у меня, может, тоже кое-что на работе намечалось кое с кем. Когда ты меня послала тогда. Но я ж честный человек, я женился и всё там оборвал... А ты, Фроськин? Честный человек? А то Пронина так намекнула – *«твой»* ребёнок. Как будто что-то знает. Может, не мой это ребёнок-то вообще?

Я была в миллисекунде от того, чтобы сказать: «В том-то и дело, Бестужев, если бы это был не твой ребёнок, я бы с тобой не жила».

Но лифт приехал. Мы вышли на лестничную клетку. За старой коричневой дверью с цифрами 71 ждала Наташа.

– Лёш, – я остановила его, взяла за запястье. – Давай договоримся раз и навсегда. Мы вместе. У нас дочь. Живём мирно и дружно. Никаких измен. Никакого вранья. Никаких разводов. И ты не упоминаешь прилюдно мою грудь ни в каком контексте. Всё. Тебе это подходит?

Бестужев смотрел вверх, на закопчённую подъездную лампочку.

– Тебе. Это. Подходит? – повторила я.

– Фр...

– М?

– Ладно, – он улыбнулся несмело.

– Хорошо. Будем считать нашими новыми свадебными клятвами. Тем более что старых и не было, а тебе всё равно менять паспорт...

Недавно мы внимательно изучили документ гражданина Бестужева и выяснили: согласно штампу из загса, женат он не на мне, а на гражданке Васильевой Е. А.

– Все, Фроськин, давай домой, харэ тут топтаться, – Бестужев сказал это тоном начинающего домостроевца, но я почувствовала, что в ту минуту перед лифтом вернула себе немного утерянной власти.

К концу лета мой муж получил новый паспорт (соврав на всякий случай, что потерял старый) и автомобильные права. Купил с помощью родителей подержанную «девятку», водил аккуратно, с Наташей пока ездить боялся.

Я вернулась к дежурству у реактора. Спать не научилась. Волчок игнорировать – тоже. Всё, в общем, шло, как и раньше, только теперь Бестужев если и обсуждал грудное вскармливание, то со мной лично, наедине. Вот такие перемены.

На наших друзей та встреча выпускников повлияла куда сильнее.

Голубушкина, например, бросила Дагирова. Пока он ездил по фестивалям, она, как потом выяснилось, вероломно ходила на свидания с электриком Вовой из города Пушкино. Познакомились они в Пушкинском (хочется сказать музее, но нет) травмпункте. Мариванна по приказу отца поехала в область навещать его бывшего сослуживца с семьёй, наступила в какую-то яму, подвернула ногу и, будучи мнительной, решила показать её врачу. В очереди на снимок сидел Вова со сломанным пальцем на руке. Они разговорились... И всё, пятилетним отношениям с Дагировым пришёл конец.

– Что он такое делал этим пальцем? Он же электрик. В розетку совал? – спрашивала Мариванну Алейник.

Голубушкина счастливо хохотала – она тогда постоянно счастливо хохотала. В июне случилась очередь в травмпункт, в июле Вова познакомил Мариванну с родителями и перевез её вещи к себе, в августе подали заявление.

– Снимки-то те сохранились? Ноги и руки, – интересовалась Алейник. – Это ж ваши первые семейные фотографии!

И Мариванна снова счастливо хохотала.

Я разделяла её счастье не полностью – потому что у меня дома жил совершенно сломленный Дагиров. Ходил тенью, как мог себя наказывал. Не брился, спал на кухонном «уголке», хотя ему, естественно, предлагали нормальный диван в большой комнате, назойливо пытался помогать то мне, то Арише, а однажды без всяких видимых причин решил переложить на кухне пол. Мы с Наташей пришли с прогулки, дома разгром, повсюду грязные следы, а посреди коридора босой Дагиров в подвёрнутых трениках и заляпанной серой жижей майке.

Мы с Бестужевым старались почаще с ним разговаривать (только не о Мариванне), следили, чтоб он хоть иногда ходил на работу (Голубушкина тогда ещё не уволилась из их журнала, что составляло дополнительную трудность), и скрепя сердце приветствовали любые его инициативы, включая ту, с полом. Другую помощь Дима не принимал. Прожил у нас месяц, потом съехал к Мите.

На девичнике перед свадьбой Мариванны выяснилось, что у электрика Вовы замечательная фамилия Гологузов.

– Фамилия-эвфемизм, – прокомментировала Алейник, но Голубушкиной шутка не зашла: всё связанное с «Володенькой» казалось ей прекрасным.

На свадьбе я не была – Наташа заболела – и поздравила чету Гологузовых по телефону. Судя по фотографиям и отзывам бездетных однокурсников, торжество в Пушкино удалось. Даже многоярусный торт, напоминающий курортные ротонды, получился не только красивым, но и вкусным.

Вскоре Алейник рассталась с Ермолаевым. Тихо и без скандалов. Уехала из Немчиновки, устроилась ассистентом в рекламный отдел Большой Газеты, где когда-то работали мы все, а теперь только Бестужев. Месяц прожила у нас в Филях (не на кухне, а в комнате, как нормальный человек), потом сняла двушку в Кунцево пополам с Дагировым. Ермолаев приезжал к ним в гости.

Как-то Таська привезла мне в Филя шесть банок вишни в собственном соку.

– Родители прислали чуть не фуру! – пожаловалась она. – Уродилась вишня, завалила Краснодарский край и соседнее Ставрополье...

Я убрала банки на балкон, Алейник в два счёта ушатала Наташу весёлыми играми, и та уснула посреди «прятков» в контейнере с игрушками. Ариши дома не было – она уехала с подругами в дом отдыха.

– У вас ведь можно курить? – спросила вдруг Таська.

– На балконе только, – ответила я удивлённо. – А ты разве...

– Угу. – Она не сдвинулась с места. – Фрось, скажи, ты со Светкой Прониной с той гениальной встречи выпускников не общалась, часом?

– Нет, – я самую малость покривила душой. – А что?

– Да ничего... Получается, она, зараза, тогда была права.

– Ну, не совсем. И точно не по форме... – начала я.

– Знаешь, почему я ушла от Ермолаева? – перебила Алейник. – *Окончательно* ушла. Петька обиделся на слова Прониной и решил мне доказать, что он взрослый и полезный человек, а не саночки. Поэтому предложил срочно родить ребёнка, цитирую: «Пока Бесту-

жева-младшая не выросла, ну, чтоб играли вместе». Отличная ж идея, да? Вот он и стал её активно продвигать. Выпрашивать у меня ребёнка, как ребёнок выпрашивает собаку. Сидим такие в Немчиновке, оба без работы, в бабкиных кофтах, и собираемся играть с Бестужевой-младшей.

– Ох, – только и сказала я.

– Ну, он и сам младший, так-то. В смысле в семье своей. И младенцев с девяти лет не нянчил, как я, не понимает, что это такое... Игрун. В общем, Пронина была, конечно, права, – повторила Алейник хмуро. – Но видеть я её больше не хочу. Никогда.

Я тоже не видела Светку. И почти с ней не общалась. Думала, совсем не буду, а потом получила электронное письмо от Мишлен.

Тогда у меня ещё не было привычки проверять почту каждые две секунды, зато была годовалая и очень энергичная дочь в стадии «где мама!». К тому же имя отправителя – Helen Schneider – намекало скорее на спам, чем на общее студенческое прошлое. Короче, Ленино послание я обнаружила далеко не сразу. И лишь кликнув на него, вспомнила, что у её парня, а теперь мужа Гены фамилия Шнайдер (уж, конечно, не Гологузов).

«Дорогая Фрося, – писала Мишлен. – Надеюсь, у тебя всё хорошо и ты отлично провела лето! Твой адрес дала мне Света Пронина. Она же во время той фраппирующей части нашей встречи выпускников (*во формулирует, восхитилась я*) заронила в моей душе сомнения, которыми я должна – и даже обязана – поделиться с тобой. Возможно, ты помнишь, что перед уходом Света упомянула некоего человека, чью жизнь я по незнанию и легкомыслию сломала. Как позже выяснилось, она имела в виду тебя. А также отчасти нашего общего хорошего друга Митю Завадского. Считаю, нам нужно в этом разобраться.

Ситуация была следующей. В июне 1999 года состоялся коллективный выезд нашей группы на водохранилище. Гена, который также присутствовал, и я после неё поехали ночевать домой, а какая-то часть наших друзей остались у Мити Завадского. На следующее утро мы со Светой Прониной заехали на факультет, точнее, в Горьковскую библиотеку, чтобы сдать несколько книг. Между библиотекой и факультетом нам встретился Лёша Бестужев. Он в коллективном выезде не участвовал. Далее привожу диалог, который мы специально со всей возможной точностью восстановили вместе со Светой.

Я: Лёша, привет! Как дела? Почему тебя вчера не было?

Лёша: Хэй. В семье проблемы. Разве Фрося не говорила?

Я: Очень жаль. А Фросю я почти не видела.

Лёша: Почти? Она, значит, ездила со всеми?

Я: Да.

Лёша: Почему ж тогда ты её не видела?

Я: (*задумавшись*). Да что-то не помню... Сначала она точно была, а потом они с Митей Завадским ушли за водой и так и не вернулись.

Света: Ну, как не вернулись, вернулись, конечно! Лен, пойдём...

Лёша: Хм, а ночевала она где?

Я: Тоже у Мити, кажется.

Света: Да там ВСЕ ночевали.

Я: Ну, мы с тобой уехали, а Фрося осталась.

Лёша: Ясно...

Света: Ничего тебе не ясно.

Лёша: А вы сейчас куда?

Света: Никуда. Лен, шевелись...

Я: Мы в «Оладийную», туда и все остальные придут к часу дня. Приходи тоже?

Дальше Лена ещё долго оправдывалась, объясняла, что никого не хотела огорчить/фраппировать и просто не увидела связи между своими словами и дракой в «Оладийной». А Светка тогда не стала раскрывать ей глаза – зачем?

Надо же. Так вот кто, оказывается, Хмырёнку на Хмыря накапал... Уму непостижимо, что это Мишлен. Я подозревала кого угодно – больше всех, кстати, Светку, – но не её. И видела в той ситуации злой умысел, а его не было.

С письмом я просидела молча минут десять. Повздыхала над несбывшимся. Поругала фигурантов драмы. Потом ответила Хелен Шнайдер всё, что она хотела бы прочитать. Сказала, что никто не виноват, жизнь идёт вперёд, мы с Бестужевым теперь воспитываем дочь и ни о чём не жалеем.

Тут воспитуемая дочь подала голос, и я обо всём на время забыла. А вечером получила СМС: «Василева, я тебе противна?» Это уже явно была не Мишлен. «Нет», – ответила я Светке, подумав. Конечно, она обидела кучу людей и подпортила праздник. Но вряд ли ею двигала ненависть. Скорее, обострённое чувство справедливости и некая своя боль. К тому же тот скандал в чём-то спровоцировал решение давно не решаемых проблем, это даже Алейник признавала... Ну и ещё Митя тогда не злился, а обнимал Светку и поил кофе. Та картина засела у меня в голове и не давала сердиться на Пронину.

От Светки пришло ещё «спасибо». Видите, я почти не обманула Алейник: нашу переписку сложно было назвать общением.

В конце октября я решила, что пора прекращать кормить грудью: для Наташи это уже стало скорее развлечением, чем необходимостью. В Большой Газете как раз появилась вакансия ответсека: открывали очередное приложение – про здоровье, что ли. Алейник узнала о ней первой, сразу мне позвонила и спросила, устроить ли собеседование. Я рассказала Бестужеву. Он помрачнел, но ответил: иди. Рановато, конечно, Наташа маленькая, жалко её, но иди. Мы по деньгам и так справляемся, но иди. Няню придётся искать, но иди...

Собеседование назначили на понедельник. В выходные Бестужев поехал на машине в Серпухов, а мы с Наташей навещали в Кунцево Алейник и Дагирова: я хотела отрепетировать с Таськой своё интервью. Домой вернулись довольно поздно, Наташа устала и подхныкивала. Машина Бестужева уже стояла во дворе. Сам он открыл дверь несколько смущённый, попятился, будто что-то пытался от нас заслонить. Наташа сразу просветлела: «Папа!», стала проситься к нему на руки прямо в уличном комбинезоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.